

Белый конверт для Люцеры

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дмитрий Чарков

Дмитрий Чарков

Белый конверт для Люцеры

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Чарков Д.

Белый конверт для Люцеры / Д. Чарков — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Любое кармическое предопределение ничтожно перед выбором самого человека – важны его внутренние устои для материализации событий и явлений, происходящих здесь и сейчас. Её прошлое, как клеймо. Её настоящее - растворение в движущейся массе мегаполиса. А её будущее, словно медленное проявление отпечатка с негатива на старой фотобумаге, испещренной призрачными силуэтами двух непримиримых родовых линий. Воля её настолько сильна, что раздвигает устоявшиеся социальные догмы, а личное обаяние притягивает, подобно звериному магнетизму. Реальности XXI тесно переплелось с проклятиями в трёх поколениях: жизнь и смерть подобны калейдоскопу. Действие - в нескольких зонах: исследуется причинно-следственная связь между трагедиями членов 2 родов на протяжении более чем 70 лет. Идея: любое кармическое предопределение ничтожно перед выбором самого субъекта – важны его внутренние устои для материализации событий и явлений, происходящих здесь и сейчас. Каков выбор Люцеры? Содержит нецензурную брань.

Дмитрий Чарков

Белый конверт для Люцеры

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льётся с клёнов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть.

Сергей Есенин

Часть 1

Преломляя реалии времени

1
Апрель 1992

Дед лежал посреди комнаты на шести широких, составленных вместе, стульях. Плотная штора на окне была задернута, и лучи заходящего солнца еле-еле пробивались сквозь широкие металлические кольца круглой деревянной гардины под высоким сталинским потолком. На древнее бабушкино трюмо в углу комнаты было наброшено бежевое махровое полотенце. Полумрак и тишина.

Рядом с изголовьем, в глубоком кресле-качалке, сидел отец, подперев одной рукой голову и уставившись в различимую только ему точку где-то на полу.

– Проходи, – сказал он, не глядя на Ивана.

Тот как-то неловко переступил порог и присел на тахту у стены.

Дед Николай выглядел как обычно, когда отдыхал после обеда на своём огороде – хмуро и замкнуто. Он даже и руки всегда так же складывал чуть повыше выпирающего живота, который в последнее время поддерживал кожаный бандаж – грыжа. В голове внука промелькнул на удивление бестолковый вопрос: «Интересно, а сейчас под его пиджаком надет этот бандаж?» Он перевёл взгляд на острый гоголевский нос и дальше, на редкие седые пряди. Тут же в изголовье, на стуле, лежал маленький томик Есенина из родительской библиотеки «Классики-Современники» – Иван сразу узнал его: в последнее время, приходя на семейные праздничные обеды, дед неизменно усаживался с ним у торшера, надевал очки в роговой оправе с толстыми стёклами и так сидел, читал, пока Иван или младшая сестра Лиза не увлекали его к общему столу. А брат Борис только призвался в армию...

Странно, но этот томик не выглядел неуместным у деда в изголовье. В Бога он не верил, хотя и был крещёным – в один из первых дней после революции пятого года.

А вот Есенину дед Николай верил.

– Идите, помяните, – позвала с кухни мама.

Иван подождал, пока отец тяжело поднялся, и сам вслед за ним встал с тахты и приблизился к стульям. Их высокие спинки на одном уровне образовывали черту, вдруг показавшуюся ему физическим барьером, отделявшим его от деда, как жизнь от смерти. И ещё она на миг представилась той полосой, что была в этот момент общей – и для Николая Кузьмича, и для его внука: каждому своя сторона, но в целом единая лента. Сбоку на круглом обеденном столе, поодаль от окна, стояла погашенная свечка на металлической крышке от стеклянной банки. Иван достал из кармана спички и, чиркнув, поднёс зардевшее пламя к тонкой белой нити – не хотелось оставлять его здесь совсем одного.

Это была уже вторая смерть в их семье за минувший год – первой ушла бабушка.

На кухне мама приготовила рюмки и нарезанное наспех сало с хлебом. Тут же в глубокой походной миске лежали соленья – огурцы, помидоры, отдельно грибочки: дед был мастером на эти штуки.

– Царствие ему небесное! – сказала мама.

После водки от сердца немного отлегло. Иван размеренно жевал молодой и сочный зелёный лук, его родители закурили. Между затяжками Сергей Николаевич произнёс:

– Батя меня в жизни пальцем не тронул... только один раз.

Иван хрустнул ядреным дедовским огурцом и взглянул на отца. В годы развитого социализма такое отношение к подрастающей смене не было в обиходе: детей частенько лупили, как сидоровых коз. Впрочем, не по внутренней злобе в большинстве случаев, а так – исключительно в целях коммунистического воспитания. Тогда всех лупили в этих целях, не только детей, и не только сидоровых.

– Помнишь тот мост на Угловой, рядом с «Арсеналом»? – спросил отец, наливая по второй.

– Конечно, – кивнул Иван. Они тогда жили под Свердловском.

Это был небольшой металлический пролёт длиной метров двадцать над овражком, по дну которого отсыпали дорогу. Мост соединял небольшой нефтезаводик с речным портовым узлом, и по нему регулярно гоняли покрытые снаружи нефтяной пленкой цистерны с горючим. В том месте постоянно стоял невыветриваемый специфический запах химикатов. Недалеко располагалась и средняя школа, которую закончили все из старшего поколения в их семье, ещё до переезда под Петербург, кроме мамы – она родом была из Восточной Сибири. Тогда вопросы экологии и производственной безопасности на Урале трактовались несколько иначе, чем годы спустя: детей с малолетства приучали нюхать если не порох, то нефть и металл, и играть неподалёку – закалка смолоду, так сказать.

– Мост тот не всегда был стальным. Во время войны он был деревянным. А на заводе танки собирали, на нефтебазе готовили горючку для них, и по мосту перегоняли на платформах к реке, там перегружали... в общем, режимный объект.

Отец поднял рюмку.

– За батю! – коротко сказал он.

Иван тоже выпил, мама пригубила.

– Твой дед во время войны был начальником цеха на заводе, самый молодой из всех тогдашних руководителей. Ответственная работа, сам понимаешь. Как он умудрился пережить тридцать седьмой, а потом и сорок первый – уму непостижимо.

– Такой молчун был, – вставила мама.

– Да, – кивнул отец, – может, поэтому и выжил, что молчал: ни о себе, ни о ком-то другом слово из него не выдавишь. Лишь изредка, и то – только хорошее, по делу. Очень сдержанный батя человек... был.

Он неторопливо отправил в рот маленький кусочек сала с хлебом, сдобренные чесноком, и продолжил:

– Я тогда маленьким пацаном ещё бегал, меня все знали: если футболом стекло кто высадит – ну, Буранов, кто ж ещё! Или в «цыганском саду», который возле школы, зелёные груши обдерёт – «а, вон Серёжку спросите, он точно знает!», или косточки от вишни по всей девичьей раздевалке в спортзале... Голодные ж ходили постоянно – война. Не знаю уже, правда или нет, чтоб я таким шалопаем рос, как бабки судачили... и я ли вообще всё это проделывал – но в тот день, когда сгорел мост, батя мне всыпал по первое число. Ведь я его и спалил.

Не специально, конечно. Я в тот день, помню, испытывал новый коктейль Молотова собственного рецепта: тоже хотелось что-то для фронта ведь... Наскрёб в пустую бутылку черной маслянистой травы с насыпи, по которой нефтяные цистерны толкали, приправил всё это такими же вонючими листьями, поджёл и – хрясь! – о каменную глыбу, тут же, в овражке.

Оно как полыхнуло всё – и вверх по насыпи, по сушняку, а ветром и к мосту понесло. А он деревянный, тоже весь такой промасленный и черный – в один миг полыхнул. Не помню от страха, как я дома очутился – но быстро-быстро! Отец после ночной смены отдыхал, увидел меня, увидел зарево в овраге – догадался сразу. Матушка рассказывала: побелел весь... Это же саботаж: в военное время, при Сталине – подумать только! Батя тут же меня за уши – и в погреб. «Сиди, – говорит, – не пискни мне!» Сам побежал к мосту. Там, понятное дело, уже люди: кто-то с лопатами, ведрами – землёй закидывают пламя, чтобы по шпалам не распространилось дальше, по железнодорожной колее да по склонам насыпи, потом ещё пожарные подоспели. Но куда уже... мост выгорел начисто. Хорошо хоть нефтезавод не полыхнул.

Батя в тот день долго не возвращался – мать уже думала: всё, в энкэвэдэ определили. Ближе к полуночи только пришёл – черный весь, усталый, пропахший гарью и нефтью. Но на меня сил хватило. «Где Серёга?» – спрашивает. Мама на подпол кивает, мол, ты ж сам его туда засадил; она мне за день только попить да поесть пару раз спускала, и всё – я так и сидел: попробуй отца послушаться, ага! Он открывает половицы, достаёт меня за шкуру... Помню, мама ладошки так нервно прижала ко рту, в ужасе смотрит, но сама слово произнести боится – её-то, поди, тоже в рабоче-крестьянской семье растили, знает порядки. Сестра уже спала в соседней комнате, а брат Фёдор – на смене на заводе. Отец, доставая ремень из петель штанов, шептал мне в ухо – как сейчас его слышу: «Полину разбудишь – самолично Петьке Жирному тебя сдам». (Петька жил тогда в соседнем подъезде и был кем-то, кого все сторонились. И боялись. Но ходил в «гражданке» – чистенький и отглаженный, пузатый такой, козёл. В пятьдесят пятом он испарился из наших мест – до сих пор никто о нём ничего не слышал. Но догадывались, конечно.) Я, понятно, не пикнул, пока меня батя ремешком-то обхаживал – молчал; не от гордыни даже, а от страха перед дядей Петей. На задницу потом неделю сесть не мог и ходил, как на раскорячке.

Слухи среди заводских, конечно, курсировали – мол, сынок Николая Кузьмича постарался на мосту, но в лицо бате такое сказать боялись. Мать тоже пресекала враз все расспросы – никто меня там не видел, в общем-то: овраг глухой, все дети – как дети, были на занятиях, меня одного на те «испытания» вместо литературы занесло. Но прогул урока не означал же виновности в поджоге! Родители сказали, что я в тот день ушёл с литературы, потому как заболел. Оно и правдой оказалось: за партой потом я сидеть всё равно не мог, а в сыром холодном погребке действительно простыл за несколько часов, так что неделю потом в постели провалялся. На животе. Если б ещё не рыбий жир... гадость такая! В принципе, как я позже узнал, никто о поджоге официально и не говорил тогда вовсе – никаких посторонних предметов на месте пожара найдено не было. Осколки бутылок – да их там куча всегда, а от обгоревшей спички и головки даже не осталось. Признали возгорание случайным, мост восстановили за 3 дня. Зато с тех пор он стальной – тоже ведь заслуга, а? Но батя мой тогда, можно сказать, из петли нас всех вытащил: если б хоть на секунду сдрейфил, не так на кого-то глянул, засомневался... не посмотрели бы, что стахановец, коммунист, что каждый месяц в военкомате скандалил из-за того, что в тылу его гнобят...

– Сергей Николаевич, гроб привезли, – послышался голос соседки тёти Кати в коридоре.

– Ну, давай по третьей, за деда, и пойдём, – отец выдохнул обжигающий перегар и прикрыл рот ладонью.

Тётя Катя, худая и высохшая, без передних зубов, дымила «Беломором», стоя на лестничной площадке. Через широкие сталинские окна в подъезде солнце щедро расплывало свои последние в этот день лучи. Двое парней в замызганных и местами дырявых футболках медленно поднимались снизу по скрипучей деревянной лестнице, неся на руках простой, обитый ярко-красной материей, гроб. В детстве один вид его всегда приводил младшего брата Ивана – Бориску – в ужас: по тогдашним традициям, крышка от него выставлялась на площадке перед квартирой в доме, где умирал человек. Железный памятник с красной звездой ставили у подъ-

езда. Пройти мимо для мальчугана было нечеловеческим испытанием: ноги не двигались, руки холодели, а в самом воздухе, вокруг, казалось, витала сама Смерть – такая непостижимая и неведомая для ребёнка. В их околотеке регулярно кого-нибудь хоронили, и можно было бы привыкнуть к виду сельского катафалка, музыкантов с духовыми инструментами и венков, но Бориске это почему-то долго не удавалось.

Иван вернулся в комнату, где лежал Николай Кузьмич. Отец в коридоре рассчитывался с парнями. Свечка отбрасывала на стены причудливые тени. Приблизившись к барьеру и вглядываясь в такое знакомое и теперь бесконечно далекое морщинистое лицо, Иван неожиданно для себя самого зашептал, глядя поверх высокого лба покойного:

– Спасибо тебе, дедушка, что ты был в моей жизни. Спасибо, что ты был папой моего папы, что я мог прижаться к тебе иногда и попросить десять копеек на мороженое, и ты никогда мне не отказывал. Как хорошо, что ты не варил самогонку и не курил папирос: мне теперь намного проще понимать, что не это делает нас мужиками. Спасибо, что ты брал меня с собой на рыбалку и подарил мне кеды – правда, я из них быстро вырос в то лето, и они изрядно потрепались на футбольном поле, но в них я забил столько голов, что ты по праву гордился своим внуком и говорил всем соседям и знакомым, что это мне вручили все те грамоты и дипломы. Теперь ты вместе с бабушкой – передавай ей привет от нас от всех, пожалуйста, мы по ней так скучали все эти месяцы – ну, ты и сам знаешь; да и она, наверно, тоже, но всё-таки... с другой стороны, ты же так хотел всё это время снова оказаться вместе с ней, вновь увидеть её мягкую и добрую улыбку, ощутить прикосновение заботливых рук... ты ведь не находил себе места без неё, дед, я знаю, я всё это видел. Она тебя наверняка уже Там встретила. Прости, что я не сдержался тогда, на кладбище, и накричал на тебя – но иначе ты бы до утра не ушёл с её могилы, так бы и стоял молча, окаменелый. И хоть ты говорил всегда, что Бога нет, дед, но, прости, я всё же думаю, что ты верил в Него всегда. Может, где-нибудь, в глубине души, но для настоящей веры, наверно, и не обязательно говорить об этом вслух, тем более в том мире, где это подвергается гонению. Поэтому я смело прошу Господа нашего Иисуса Христа простить тебе все прегрешения, вольные и невольные, и отпустить тебе грехи, и даровать царствие небесное и вечный покой. Спи спокойно, мы тебя очень любим.

Проговаривая своё последнее «прости», Иван и не заметил, как рядом появился отец: он стоял, опираясь на спинку одного из стульев. В этот момент Иван физически ощущал эту тонкую грань между настоящим и прошлым. Или это только казалось? Есть ли оно вообще, это мгновение, отделяющее миг от истории?

– Спасибо, сын, – сказал Сергей Николаевич и, нагнувшись к деду, положил в его изголовье, поверх томика Есенина, маленькую золотую звёздочку на ярко-красной матерчатой розетке. В самом центре звезды единой монограммой переплелись молоточек и ножичек овальной формы – давно забытые во времени и вышедшие из употребления молот и серп: символ ушедшей эпохи.

Монограмма государства-призрака.

2

Апрель 2017

Рапс оказался невысокого роста, подтянутым и приветливым господином со светлой курчавой бородой и длинным прямым волосом, неопределенного возраста: на вид ему было не более двадцати семи, наверно, но по глазам Иван прочитал, что на порядок больше. Помещение, в которое его проводили для встречи с магом, весьма отличалось от всего прочего интерьера, которое ему довелось видеть за всю жизнь: среди фиолетовых стен минимум мебели и максимум предметов на стойках-полочках – ножи, чётки, свечи, браслеты, камни, травы, палки, черепки, баночки, подвески, колбы и ещё много чего из кожи, кости, дерева и металла,

чему он и названий-то не знал. Запах ладана с помесью каких-то других благовоний наполнял комнату.

– Ритуальные принадлежности, амулеты и обереги: они, в основном, тут представлены, – с улыбкой ответил на его немой вопрос Рапс.

Иван кивнул:

– Я догадываюсь.

Он присел в предложенное кресло.

– Я Сергей Беловоденко, – формально представился Рапс, – и готов разобрать вместе с вами ту ситуацию, которая вам представляется необычной или запутанной. Напоминаю, что всё сказанное между нами является конфиденциальным и не может быть воспроизведено кому-либо без нашего с вами взаимного согласия.

Иван вздохнул: он не знал, с чего начать.

– Предлагаю начать с самого конца, – снова «прочитал» его с мягкой улыбкой маг.

И тут же несколько смущенно добавил:

– Нет, я не телепат, просто все почему-то затрудняются именно в этом месте, ошибочно думая, что их примут за сумасшедших. Лично я вообще не верю в сумасшествие – считаю, что существуют различные формы и проявления измененного состояния сознания, которые существенно отличаются от форм подавляющего большинства остальных людей. А вы, Иван Сергеевич, как считаете?

– Можно просто Иван, без отчества.

– Окей. Иван.

– Я не так давно наблюдал одного такого... с измененным сознанием. Собственно, и визит мой к вам связан с этим, наверно.

Он снова замолчал, собираясь с мыслями.

– У вас очень светлая аура, Иван. Практически без разрывов. И знаете, что ещё примечательного в ней? Оттенок. Сиреневый, тёмный.

– Что такого примечательного в этом оттенке? – удивился мужчина.

– Он гармонирует с цветом этой комнаты, – рассмеялся Беловоденко. – Но вообще, присутствие фиолетового в ауре – свидетельство довольно-таки развитых экстрасенсорных способностей. Вот я и ломаю себе голову...

– ... не коллеги ли мы с вами?! – закончил фразу Буранов и сам вдруг рассмеялся, качая в искреннем изумлении головой. – С этого, пожалуй, и стоит начать, на самом деле. Много лет назад мы похоронили моего деда – суровый был человек, старой закалки. Молчаливый, часто весь в себе такой, знаете... многое прошёл. Взгляд у него тяжёлый был – насквозь всех просвечивал.

Рапс задумчиво глядел куда-то поверх головы Ивана. Вдруг сказал:

– С металлом работал? С тяжелым. То ли чугун, то ли что-то такое... массивное, как броня.

– Да, всю жизнь на заводе, во время войны на Урале танки выпускали.

– А-а, понятно. Руки у него – мощные, как кувалды. Вам на плечи сзади обе сейчас вот положил.

Иван невольно обернулся – за спиной никого не было.

– Вы серьёзно? – спросил он.

– Совершенно, – невозмутимо подтвердил Рапс. – Он был Героем Советского Союза? Звездочку на лацкане вижу, но странно, что он не при погонах.

– Герой Социалистического Труда, – поправил Иван, – поэтому в штатском. На фронт так и не попал. Но очень рвался.

– Судя по всему, фронта ему хватало и в тылу.

– Да, это верно.

– У него была очень хорошо развита интуиция. Вы сполна её унаследовали – такие вещи, как правило, через колено передаются по роду. Отсюда и ваша аура. И что-то ещё, я подозреваю?

Буранов замешкался с ответом. Рапс продолжал:

– Бориска – ваш кровный родственник – рядом с дедом сейчас. Говорит, что Кузьмич молодцом. А Лиза из Питера пусть уезжает, беспокойно тут... О чем это он? Это брат же ваш?

Иван, ошарашенный, слушал Сергея. И ответил:

– Да, брат – Борис. Он погиб. Сестра наша младшая – Елизавета – сейчас живёт здесь, в питерской квартире брата.

– У вас с ним очень тесная ментальная связь. Предполагаю, что вы могли на расстоянии даже коммуницировать. Было такое?

– Гм... – замялся Иван, – как бы это сказать...

– Вам были видения? – помог Рапс.

– Думаю, так это и называется. Я не... того... не с изменённым сознанием?

– А я?

– Вроде нормальный.

– Да ладно...

Оба рассмеялись.

– Это меня и смущало, – признался Иван.

– Но пришли вы не за этим: к своим необычным способностям-то вы уже привыкли.

Иван посмотрел Рапсу прямо в глаза и спокойно ответил:

– Нет, не за этим.

Беловоденко протянул Ивану небольшой бесформенный камушек со словами:

– Это аметист. Подержите его некоторое время в руке, пожалуйста. Вы можете кое-что припомнить, что, как вам всё это время казалось, никогда и не случалось вовсе.

Иван задумчиво взял протянутый предмет. Это был необработанный кристалл, мутный довольно-таки, неоднородного цвета: местами сиреневый, с прожилками, а с одной стороны даже тёмно-фиолетовый – словно впитавший в эту часть себя некий сгусток истории развития мироздания. Он непроизвольно поднял его к глазам и посмотрел сквозь него на свет, как когда-то в детстве, мальчишкой, рассматривал солнце сквозь толстое зелёное бутылочное стёклышко...

3

Апрель 1992

С кладбища возвращались хмурые. Весенняя слякоть и бездорожье погоста не прибавляли людям шагу: все были по колено в грязи, а кто махнул лишнего ещё до поминального обеда, так и вовсе сидел задницей в холодной жиже, призывая добросердечных знакомых выволить его из свалившегося на беду конфуза. И такие, конечно, находились – помогали. Чай, не за границей же.

Бориса из армии на похороны деда не отпустили. Иван в какой-то миг, закрыв глаза, словно увидел его воочию: стоит в карауле с автоматом, укрывшись под «грибком» от морозящего мелкого дождя, всматривается куда-то вдаль мимо закрытых боксов охраняемой спецтехники; грустный, толком не спавший почти сутки в наряде. Накануне Иван разговаривал с ним по телефону из почтового отделения – но связь с Комсомольском-на-Амуре была до того поганой, что лучше бы и не звонил вовсе: только расстроил парня ещё больше, после высланной телеграммы о смерти деда.

А той же ночью к нему пришёл Кузьмич. Иван не употреблял алкоголь после похорон – не шло, когда на душе тяжесть, поэтому пенять на пьяные галлюцинации не приходилось. Дед

стоял в двух метрах от его кровати, опустив вдоль тела руки – как-то неестественно даже. В комнате ощущалась неестественная прохлада. Иван знал о его присутствии ещё до того, как резко открыл глаза и пробормотал спросонья:

– Дед, ты чего без банджа-то? Опять свалишься.

Но тот лишь молча покачал головой и растворился в полумраке комнаты. Прохладу унёс собой.

На седьмую ночь он явился снова. Теперь Иван мог его разглядеть получше: дед стоял в своём заношенном пиджаке, широких брюках с подтяжками, в старых домашних тапках на босу ногу.

– А чего новое-то не одел, дед? Мы ж тебе такой костюм прикупили! И рубашка белая... А ты, глянь – в пиджаке и тапках!

На этот раз Кузьмич приблизился к внуку – настолько, что Иван кожей почувствовал смертельно-могильный холод и различил белесо-голубые зрачки покойника под седыми мохнатыми бровями и шевелящиеся губы. Звука, однако, никакого не было. Но Иван точно был уверен, что ему сказал дедуля: «Ты знаешь. Ты примешь. Это твоё теперь». Вот так – всего три фразы. И в тот момент Иван понимал, о чем говорил дед. Он даже вспомнил тут же одну из их последних встреч, перед смертью Кузьмича, на пасху, когда тот, посмеиваясь, ни с того ни с сего передал ему за столом вместо праздничного кулича ломоть черного хлеба, посыпанного солью, с этими же словами: «Принимай. Твоя доля. Твоя».

О какой доле шла тогда речь, Ивану стало очевидным значительно позднее. Но тогда он лишь усмехнулся в ответ, не став перечить деду: «Моя. Конечно, моя, дед!» И принял.

На девятый день он с утра уже был на могиле, чтобы всё прибрать к поминкам, до прихода родителей – мама с отцом собирались на кладбище ближе к полудню. И ещё издали почувствовал, что что-то не так, а, подойдя, ахнул: на месте земельного надгробия, которое они вдвоём с отцом накидали поверх могилы и сверху аккуратнo присыпали влажным песочком и цветами меньше недели назад, зияла дыра. Иван даже сперва подумал – уж не вырыл ли кто гроб ненароком? – но, с опаской заглянув в могилу, обнаружил, что она просто провалилась вниз на добрые полметра. Вместе с цветами. Рядом с соседнего памятника на него с любовью глядели добрые бабушкины глаза...

Это не было в порядке вещей – не на седьмой же день после захоронения проваливаться могиле на полметра! Полгода, год – да, тут есть рациональное объяснение.

Не особо задумываясь, Иван лихорадочно принялся таскать землю с соседних участков да межмогильных проходов, по черенку с каждого, пытаясь исправить ситуацию к приходу родственников. Ну, не зря же ему ещё с вечера свербило пораньше придти на кладбище! Не зря.

Позже ему коряво объяснили за узким семейным столом, что такое периодически случается: мол, бывает, и подземные воды вдруг прорываются и подмывают грунт, земля «ухает» вниз там, где она подкопана, и могила опускается раньше времени. Что происходит тогда с телом покойного, никто не вдавался в подробности, да он и не спрашивал – задал-то вопрос как бы невзначай, про другую свежую могилу, ушедшую на три штыка в никуда в соседнем секторе. Наша-то типа в порядке.

В ту ночь он не стал дожидаться Кузьмича, а сам отправился к нему. С собой взял только чекушку, кусок черного хлеба и фонарь.

При молодой луне всё на кладбище выглядело иначе, нежели днём. Фонарь даже особо-то и не помогал, а, наоборот, его сноп всё представлял в гораздо менее знакомом свете: вроде уже ставшее привычным деревцо с одинокой ветвью и обрубленной макушкой у тропинки вглубь погоста теперь ни с того ни с сего казалось перевернутой косой в руках Той Самой, а свежескрашенный металлический столик в пяти крестах от тропы, отражая световые блики, представлялся помостом для отпевания душ грешников; и как Иван ни старался не глядеть по сторонам, он не мог полностью избавиться себя от восприятия своим боковым зрением причудливых

форм и фигур этого сакрального места, покрытого ночным мраком. Наверняка же тут бродят фантомы неупокоенные – или стоят, уставившись на него во тьме пустыми глазницами. Тьфу на них!

Среди чужих могил он, тем не менее, не потерялся – его словно вёл кто-то, уверенно и даже безмятежно. Подойдя к знакомой оградке, Иван всё же высветил бугорок – на месте ли? Затем вдруг спохватился: чего это он припёрся среди ночи в чужой мир, да не спросясь? Быстро перекрестившись, как бабуля в детстве тайком учила, забормотал:

– Простите, духи, сущности и другие обитатели сего места, что явился сюда в час неурочный, но, видит Бог, без всякого злого умысла, а лишь с добрыми намерениями – появилась нужда срочная обратиться к предку моему, что покоя мне не даёт, как сам представился девятого дня, Николаем зовут, посему позвольте мне беспрепятственно отдать ему должное, а за вас Господу помолюсь – он знает всех вас тут поименно, уж не обессудьте.

На душе словно просветлело, и в волосах он ощутил лёгкий весенний ветерок. Откуда слова взялись, он так никогда и не мог объяснить даже себе самому, да ему и не требовалось, в принципе.

С дедом просидел час, наверно. Вспоминали былые дни, делился с ним планами на будущее. На прощание оставил ему недопитую чекушку с кусочком хлеба и попросил его не шариться больше по людским квартирам, упокоиться, и оставить кесарю кесарево. На том и разошлись.

Больше дед к Ивану Буранову не приходил.

А, проснувшись утром, он обнаружил, что знает настоящую фамилию Петьки Жирного.

4

Апрель 1944

Мост уже полыхал, когда Николай подбежал к насыпи, с ведром и лопатой, которые прихватил со двора сразу же. Воздух тут, казалось, извергал напрямую в лёгкие смрад пожарища с привкусом нефти.

– Николай Кузьмич, что делать-то?! – кричала бежавшая ему навстречу Валя, машинист паровоза, размахивая синим платком, сорванным с головы. Сам чёрный стальной бегемот замер в сотне метрах от пламени – женщина вовремя заметила неладное на мосту и затормозила.

В посёлке все друг друга знали по имени. Здесь, на месте, Николай, похоже, оказался единственным пока авторитетным руководителем – с него и спрос потом за тушение будет. Авторитетный, по всему выходит, спрос.

Он оглянулся по сторонам: отовсюду к пожару спешили люди. Кто успел ведра прихватить, кто лопаты, кто багры стянул с ближайших щитов – благо, тут их наткано было чуть ли не частоколом, на нефтяном перегоне.

Под мостом протекал ручей – ручей, проходящий через нефтебазу. По нему часто школьники запускали деревянные кораблики, которые спускались в неспешном потоке к реке вместе с ажурными нефтяными пятнами. Иногда, впрочем, пятна были и керосиновыми, как догадывался Николай Кузьмич. И если таскать воду из этого ручья и лить её на огонь...

– Стой, Степан...! Нельзя оттуда! – крикнул он парню, уже зачерпнувшему ведро воды, стоя по щиколотку, в кирзачах, в ручье.

– Ты что, Николай Кузьмич?! По шпалам же понесёт! Смотри, ветер какой...

– Брось, говорю тебе! Давай землёй – наполняем ею ведра и на шпалы вываливаем, с обеих сторон. Наталья, лови всех, кто со стороны реки подтягивается, а я тут... Две команды по обе стороны – одни снимают сухой дёрн с подветренной насыпи, другие делают трёхметровый

отсып из земли поперёк шпал! Степан, сгоняй ещё за ведрами в школу – там же в сарае их склад. Взались..!!!

Сам он начал грузить со склона оврага сухую песчаную землю сразу в два ведра и бегом подтаскивать их вверх, к огненной кромке на путях, в десятке метров от моста, раздавая по ходу резкие команды женщинам, снимавшим ещё не тронутый огнём сухой и просмоленный дёрн на подветренном склоне.

С другой стороны железнодорожный откос был из гальки – оттуда беды ждать не приходилось, слава богу. В воздухе стоял треск от пожираемого пламенем сухих деревянных балок моста; то и дело слышались отрывистые реплики, когда кто-то вдруг поскальзывался с тяжёлыми ведрами на железнодорожном склоне; ветер относил в сторону черное марево, и хоть это позволяло людям свободно дышать.

Через пятнадцать минут подъехали пожарные на трёх лошадиных подводах, с водяными бочками и ручными помпами. Единственный на посёлок «ГАЗ» с тысячелитровой цистерной сюда подобраться не смог бы – оставили на повороте к переезду. Пожар к этому времени удалось остановить от распространения по откосу и шпалам, но мост полыхал багряным заревом – вот-вот рухнет. Подоспевшие бригады сразу активно включились в заданный ритм и уже через две-три минуты поливали бушующее пламя.

– Кузьмич, ты тут командовал? – окрикнула Николая начальница пожарной команды.

Николай в ответ ей молча кивнул.

– Кто-нибудь знает, отчего полыхнуло?

– Не спрашивал. Занят был, – сказал, как отрезал.

– Молодцы, что остановили огонь!

Мост не обрушился, но в этом мало было утешения – через два часа рельсы каким-то чудом висели в воздухе двадцатиметровым хребтом исполина, лишь в одном месте поддерживаемые обгоревшей донельзя широченной древесной балкой.

Дознаватели не заставили себя ждать.

– Чужих кто-нибудь видел в районе? – был первый вопрос.

Уставшие люди озадаченно качали головами: здесь все друг друга знали, чужих бы сразу заприметили. Николай в изнеможении лежал на своём ватнике чуть поодаль от крайней пожарной подводы. Мысль о диверсии у всех, конечно, была основной, пока кто-то не выдвинул вслух гипотезу:

– На той неделе у Прошкиных пал вокруг дома загорелся – сухо ведь уже, а зимой отходами с базы кочегарилки печки свои, поди, всё пропиталось кругом керосинкой, картошка даже не растёт. А тут-то вообще...

– Сколько говорили уже, мол, опасно тут – и школа рядом, детишки бегают, и нефтезавод, а какие меры-то приняли? – подхватил кто-то из женщин.

Народ не расходился до ночи. Уже в сумраке устанавливали мощные осветители, чтобы досконально обследовать весь прилегающий участок. Много было людей в погонах. Все понимали, что дело может обернуться для кого-то быстрым трибуналом, но вслух остерегались проносить такого рода догадки, оттого и версий про самопал сыпалось со всех сторон всё больше и больше – от греха, что называется: времена такие, что саботажников выбирать из толпы – дело привычное, и нет гарантии, что сегодня им не назначат тебя или твоего свата. Так что с самопалом оно как-то всем надёжнее выходило.

Николай кое-как стёр с лица вьевшуюся через пот копоть и уже собирался домой, когда к нему сзади подошёл грузный человек с красным лицом, в штатском, и тихо произнёс:

– Доброго здравия, Николай Кузьмич.

– Тебе того же, Пётр Евграфыч, – резко обернувшись, ответил он Петьке Жирному.

– Слышал я, что ты тут всё грамотно организовал, пока Люся со своими не подросла.

– Как учили, – хмуро ответил на комплимент Николай.

– Ты сам-то, часом, ничего подозрительно не заметил?

– Сказал бы уже.

– Сам с ночной, что ли?

– С ночной. Фёдор в день ушёл.

Мужчина кивнул. Затем прищурился недобро:

– А малой твой, что ж, тоже в день сегодня?

– Серёжка, что ль?

– Серёжка, Серёжка, ага.

– Захворал, мать дома оставила. А твой какой интерес до него-то?

– Да Гринька мой сказал, что Буранов опять с контрольной по арифметике схлюздил.

– А ты, Пётр Евграфыч, за своим следи. За моим я сам пригляжу, будь уверен.

– Видел его после смены-то?

– Видел. Сопливый весь. Иль ты думаешь, что это его рукоделие? А, Пётр?

Николай нахмурил жёсткие брови и открыто поглядел в переносицу Жирному, буравя его немигающим взглядом. На заводе поговаривали, что взгляд Кузьмича мало кто мог запросто вынести. Вот и Петька теперь отвёл глаза в сторону, проговорив:

– Не горячись, Коля, все знают, что твой малой – мастер на все руки. Мало ли, чем он был днём занят, пока батька его после смены отдыхает.

– Так, может, пойдём, допросим сопляка, а? Не полночь ведь ещё, – шёпотом в лицо Петьке выдохнул Кузьмич.

– А что, и то дело, – вдруг согласился Пётр.

– Пошли! – Николай развернулся и бодро зашагал в направлении своего дома, будто и не было нескольких часов битвы за нефтебазу.

Пётр, чертыхаясь, засеменял следом. Николай небрежно бросил ему через плечо:

– По пути только к Евграфу заскочим – спросишь у него, почему он до сей поры песком подходы к мосту не засыпал, как ему велено было месяц назад на партактиве. Ну, зайдём, чтобы не возвращаться потом – по пути ведь!

Пётр Евграфыч замер на полшаге.

– Ты о чем это, Николай?

Тот тоже остановился и в ответ лишь пожал плечами, глядя куда-то в темноту. Пётр смачно выругался и плюнул. Потом сказал:

– Ладно, сам завтра поговорю с ним. Но ты, Буранов...

– И тебе спокойной ночи, Храмов!

5

Апрель 2017

– Храмов... – выдохнул Иван.

Рапс посмотрел на него вопросительно. Тот неуверенно огляделся вокруг, очнувшись, и, разжав ладонь с аметистом, устался на кристалл.

– Занятные камушки тут у вас, Сергей.

– Подбирать под себя их нужно очень индивидуально, однако. Но этот, я вижу, вас нашёл. Он опять широко улыбнулся, глаза его излучали спокойный приветливый свет.

– Извините, мне срочно нужно позвонить, не возражаете?

Буранов достал телефон и, выбрав адресата, стал ожидать ответа.

– Алло? Игорь? Привет, да... Буранов. Не отрываю? Буквально секунду... Отчество Вероники не помнишь? Храмовой, да... О! А есть возможность узнать имя её деда по отцу? Да. Это важно для меня. Благодарю. Потом объясню, обязательно. Спасибо, до связи. Жду.

Он несколько секунд молча глядел в потемневший экран смартфона, затем поднял взгляд на Рапса и задумчиво произнёс:

– Она – Александровна... Если моя догадка верна, то её отца звали Александр Григорьевич, деда – Григорий Петрович, а прадеда – Пётр Евграфыч, он же Петька Жирный... Да-а, забавная тут у вас песочница... с камушками, – и Иван подкинул на ладони свой аметист.

Беловоденко терпеливо ожидал, когда клиент вновь будет готов к общению в заданном русле. Наконец, спросил:

– Судя по всему, ваша дилемма получила новый импульс к разрешению. Я, признаюсь, не медиум – то есть, не контактирую с душами умерших в режиме прямого общения, так сказать, только фрагментально. Пока вы пребывали сейчас в состоянии контакта с прошлым – ваш дедушка сопровождал ваш собственный дух. Борис, я предполагаю, был рядом. Впредь они будут контактировать уже с вами напрямую, минуя меня. Вам нужно научиться управлять такими... спиритическими сеансами, как принято было говаривать во времена госпожи Блаватской. И, знаете, ваша аура несколько изменилась – она теперь более ровно окрашена в цвет вашего аметиста.

Иван посмотрел на него с удивлением:

– Вы действительно видите... такие краски... вокруг меня?

– Ну, да. Это моя работа. Каждый цветовой оттенок свидетельствует о чем-то определенном в вашей личности, её духовной сущности. В вас очень сильна целеустремленность, Иван. Поэтому, я уверен, вы в итоге разрешите свою проблему.

– В том-то и дело, что всё, оказывается, так переплетено, что сам чёрт ногу сломит... ой, извиняюсь.

Рапс рассмеялся:

– Мы не в храме, да и сила чертей только там, где их боятся, а, следовательно, верят в их негатив. Если бы вы Чертягой нарекли, скажем, своего любимого пуделя, поверьте, что только лишь от этого он не обрёл бы дьявольский прикид и замашки... Что же до вашей проблемы – дело, по-видимому, касается смерти вашего брата?

– Да, с этим я к вам, собственно, и пришёл.

– Я слышал об этой трагедии.

– Не сомневаюсь. В интернете много было... разного по этому поводу. Вы знаете, на какой стадии теперь дело?

– Думаю, было бы правильнее, если бы вы изложили всё так, как считаете нужным.

– Да, верно, конечно. Вот я тут распечатал кое-что для вас, – он достал распечатку одной из статей. – А если вкратце...

Моего брата сгубила женщина. Как-то банально звучит... Но очень продуманная ведьма, должен сказать – м-м-м, не в обиду вашим здешним коллегам по ремеслу сказано. Та самая Вероника Храмова, о которой я только что говорил с Горенко – это, кстати, следователь, который дело тогда вёл. Она вместе со своим заокеанским хахалем придумала схему, как вывести крупные суммы из бизнеса Бориса, симитировала самоубийство другого человека, подставила под это одного своего тайного воздыхателя... И всё – благодаря своим, стоит заметить, весьма развитым способностям к манипуляциям – людьми, разумеется, их сознанием.

– Гипноз? – уточнил Рапс.

– Да, – подтвердил Иван. – И, наворотив здесь дел, благополучно улетела в Штаты, имея уже там на счетах солидные суммы. Но жадность, как говорится, фраера сгубила: её удалось выманить назад, причем вместе с её американским мужем, по уши замешанном в махинациях, и обоих благополучно взяли прямо в Шереметьево. Дело было в пятнадцатом году. Патрик оказался далеко не графом Де Ля Фер и сдал любимую со всеми документами, возместил причиненный ущерб бизнесу Бориса и отдельно ещё – его деловой репутации, причем добровольно... ну, я имею ввиду – без специального какого-то решения суда. И он был счастлив таким исходом

для себя, поверьте. Что бы ему тут светило, при нашей молодой тюремной демократии... Суда-то, уголовного, как я уже сказал, и не было по нему – с мужиком всё решили, что называется, в досудебном порядке и выдворили из страны; очевидно было, что он вроде как – ни сном, ни духом о том, что вытворяла тут Храмова во имя их вечной любви, помимо денежных афёр. Или прикидывался – я не готов тут судить.

А вот по ней – другая тема и другая статья. Точнее, целый статейный наборчик: убийство, покушение на убийство, мошенничество в особо крупных, умышенное причинение вреда здоровью какой-то там тяжести – парень один чуть без мозгов не остался – мог до конца дней в этом изменённом, овощном, так сказать, состоянии пребывать... Наворотила столько, что на несколько поколений хватило бы. Доказательств полно, для пожизненного...

Иван замолчал, сосредоточившись на внутренних своих переживаниях, словно заново подводя итог прошедшим годам.

– Что-то пошло не так, – резюмировал Рапс.

Буранов хмуро кивнул:

– Не так, как планировали в прокуратуре. Совсем не так. После месяца в Крестах Храмова заявила, что беременна. Естественно, провели обследование и подтвердили восемь недель. Это в конце зимы, в две тысячи шестнадцатом, уже было, если не ошибаюсь. Перевели на щадящий режим. Следственные действия и подготовка к судебному процессу, конечно, продолжались, как положено. На седьмом месяце у неё возникла серьёзная угроза выкидыша, по свидетельству тюремных медиков, и в какой-то критический момент её перевозили в специально оборудованный стационар... я не особо-то разбираюсь ни в медицинских, ни в юридических процедурах в отношении... таких больных, когда реальная угроза смерти матери... наверно, всё было сделано правильно, с точки зрения закона – и человеческого, и божеского... Только, в результате, истекающая кровью больная пропала. Буквально исчезла из кареты скорой помощи где-то на пути от СИЗО до больницы, в начале декабря. Полгода уже ни слуху, что называется, ни духу. Простите за такой случайный каламбур, но вот насчёт последнего я как раз и хотел с вами проконсультроваться.

Иван вопросительно посмотрел на экстрасенса, непроизвольно вертя кристалл между пальцами. Рапс быстро пробежал глазами распечатанную статью из интернета:

«Семнадцатого мая с.г. в Шереметьево оперативная группа задержала Веронику Храмову, гражданку Соединенных Штатов Америки, 1992 года рождения, причастную к жестокому убийству в мае 2015 года известного в деловых кругах Санкт-Петербурга предпринимателя Бориса Буранова. Данное задержание стало возможным благодаря слаженным действиям силовиков различных ведомств в результате тщательно спланированной и успешно проведенной операции. Несмотря на свой возраст, Храмова получила среди оперативников негласную кличку «Матрёха» – так между собой они охарактеризовали хладнокровный и жестокий, «матёрый» образ действий и «многоликий» стиль молодой женщины, сумевшей, по версии следствия, вывести из коммерческого предприятия, возглавляемого покойным Б.Бурановым, в зарубежные банки значительные суммы из оборотных средств компании по производству строительных конструкций – готовых малоэтажных домов. Действуя в качестве личного помощника предпринимателя (а по некоторым сведениям – не только в деловом качестве) в начале 2015 года, она воспользовалась своим привилегированным доступом к информации и реализовала мошенническую схему при пособничестве своего заокеанского партнера, за которого впоследствии и вышла замуж. Примечательно, что, вероятно заподозрив в деловой нечистоплотности своего личного помощника, Буранов вскоре уволил Храмову, и та сразу устроилась на работу администратором популярного туристического агентства. По всей видимости, так было в далеко идущих планах предприимчивой особы, поскольку именно с помощью коммерческих ресурсов и бизнес-контактов турфирмы ей удалось достаточно легко вылететь в США на якобы деловое мероприятие в области туристической индустрии.

Помимо гибели Б.Буранова, Храмовой вменяется ещё ряд уголовно наказуемых преступлений. Для справки: Храмова В.А. закончила в 2013 году с отличием факультет общей психологии государственного гуманитарного университета, написав дипломную работу, которая в настоящее время используется в данном университете в качестве учебного пособия для студентов. Проведенный 2011 год академической практики по студенческому обмену в США ей был зачтен в качестве внутреннего учебного. Предложение остаться работать в университете на кафедре нейро- и психопсихологии В.Храмова скромно отклонила.

На помещенном справа от текста черно-белом фото Беловоденко мог разглядеть молодую симпатичную женщину, отвернувшуюся в момент снимка от камеры, в сопровождении группы сосредоточенных мужчин. Впрочем, один из них выглядел жалко и потерянно, в контрасте со своей бросающейся в глаза статностью и вальяжностью в одежде.

Сергей задумчиво произнёс:

– Да-а... Что ж, постараюсь вам помочь. Есть ли ещё фото – вашего брата, Вероники?

Иван достал из внутреннего кармана пиджака сложенный пластиковый файл и вынул из него несколько листов со снимками, протянул их Сергею:

– Это распечатки с цифровых фотографий. Такие подойдут?

Тот наморщил брови.

– Попробую с ними поработать. На таких распечатках энергетика очень смазанная, по правде сказать. Даже в сравнении не идут с классическими оттисками на фотобумаге, с плёнок, на самом деле. А уж если фото было проявлено и напечатано самим хозяином снимка в домашних условиях – знаете, как раньше делали, в ванной комнате, при тусклом красном освещении...

– Да-а, я помню, – невольно улыбнулся Иван, сразу представив себе, как они с друзьями в школе увлекались фотопечатью. – Но такие фотки есть только у меня на родине, у родителей. Это далековато от Петербурга.

– Понятно. Было бы здорово нам теперь вернуть тот эмоциональный фон, в котором вы находились, когда недавно пребывали в прошлом своего кровного рода, со своими предками, и ваша тесная эмфатическая связь с Борисом и Николаем Кузьмичом должна этому содействовать. Дед ваш, как я понимаю, неоднократно имел очень сильный по энергетике контакт с предками Храмовой, а у Бориса, в свою очередь, была эмоциональная привязка непосредственно к самой Веронике – случайности такими не бывают. Как сами-то считаете?

Иван только и смог, что утвердительно кивнуть в ответ. Рапс продолжал:

– Я думаю, что можно использовать такой вот мостик между эгрегором вашего рода и рода Храмовых, чтобы получить некое знание о ней самой в сегодняшнем измерении. Тут нужно понимать, что души лишены осязаний зависти, ревности, амбиций, мести... – это удел живущих в физическом мире только, поэтому в общении с духами стоит искренне задействовать исключительно любовь, Иван. Об этом необходимо помнить всегда. Ну, и, конечно, верить в то, что вы делаете – собственно, это ключевой элемент в любом деле, не правда ли? Итак, готовы? Сосредоточьтесь: Борис, ваша кровная связь, братская любовь, любой эпизод вашей жизни, создающий атмосферу доверия, преданности, кровных уз...

6

Июнь 1984

Ваня всегда с нетерпением ждал наступления лета. Каникулы, загородный пионерский лагерь, речка, футбол – что может с этим сравниться? Долгие зимние вечера за книжками и настольными играми уже порядком наскучили, лепить снеговиков – это забава больше для Бориски, который в школу-то пойдёт только следующей осенью, а пока постоянно крутился у Вани под ногами, задавая иногда глупейшие вопросы. Иногда, впрочем, было довольно-таки

приятно – с видом эксперта объяснять, например, разницу между клюшкой для хоккея с шайбой и с мячом, и тот с выпученными глазами заглядывает тебе в рот и ловит каждое твоё слово. Хотя вопрос ещё – понимает или нет, в чём суть-то? Но когда Борька тайком брал его новенькую «Электронику» и сбивал все настройки своими корявыми детскими пальцами, пытаясь найти там тетрис – уже было не до веселья, и Иван частенько награждал брата за такие его проделки тычками и подзатыльниками, пока родители не видели. Впрочем, делал он это беззлобно – так, в целях воспитания.

Лишь только июнь окутал землю приятным солнечным теплом и зеленью на деревьях, Иван решил установить себе летнюю палатку на балконе их новой квартиры, выходявшей окнами во двор – из этого укромного местечка можно было бы вести тайное наблюдение с помощью папиного бинокля, в деталях рассматривая сквозь прорези ограждения балкона всё происходящее на улице и оставаясь при этом незамеченным. Для этого он натянул сверху, по перилам, старую дедушкину плащ-палатку, закрепил её крючками и синей изоляцией по периметру с трёх сторон, а с четвертой прикрепил к ней в качестве входной занавеси легкий плед, который открывался и запахивался при необходимости так, чтобы сохранять иллюзию частного комфорта внутри. Для общего уюта под тентом Ваня задрапировал стенки старым одеялом, постелил надувной матрац и бросил туда пару диванных подушек – получился замечательный командный пункт. Помимо цели обустроить свою летнюю резиденцию исключительно для проведения большего времени на свежем воздухе, как он объяснил родителям, он, конечно же, преследовал ещё одну – ему было ужасно интересно наблюдать за Олей из их школы, которая жила в доме напротив и, наверно, даже не догадывалась о существовании парня, а уж, тем более, о том, что он проявлял к ней чисто мальчишеский интерес.

Всякий раз, когда Иван видел её на перемене в окружении других одноклассников, он с некоторой горечью отмечал про себя, что разница в целый год между ними существенно уменьшает его шансы быть замеченным ею. Он старался как-то выделиться из общей школьной массы – то вдвевал в «сменку» белые шнурки, то носил пионерский галстук на манер американских ковбоев – задом наперёд, то раздавал тумачи малышне прямо перед её глазами – всё напрасно: Оля его не замечала, и он печально вздыхал про себя. Наконец, ему в третьей четверти пришла в голову совершенно простая и потому гениальная идея: нужно попасть со своим портретом на доску гордости школы, и тогда уж точно она будет знать, что он, Иван Буранов – есть и учится всего-то на год младше её, причем, даже неплохо. Но пока эта задача перенеслась в планы на будущую осень – минувший учебный год он закончил с четвёрками, и вместо его, Ваниного, на заветном месте теперь красовался портрет Корнилина Стаса, который совершенно не интересовался Олей, а потому, по мнению Буранова, ему и незачем было попадать на заветное место. Судьба порой бывает такой несправедливой.

Так он размышлял, разглядывая в балконную амбразуру пустой утренний двор в ожидании какого-нибудь интересного происшествя, когда входное покрывало зашевелилось, и в проёме показалась Борькина лохматая голова. Он в последние дни немного покашливал, и родители не пустили его в садик, оставив дома на попечении бабушки.

– Ого, как у тебя тут классно! – с восхищением произнёс младший брат, обводя восторженным взглядом внутреннее убранство Ваниного штаба и стараясь протиснуться внутрь вдоль стеночки, не повредив входную занавеску.

– Куда ты..? – рявкнул Ваня. – Я тебе разрешал входить?

Боря замер на полпути и неуверенно, с надеждой в голосе произнёс:

– Можно?

Ваня подумал немного и нехотя согласился:

– Ладно, залезай. Только без меня сюда – ни ногой! Понял?

– Да, понял! – радостно ответил Бориска и протиснулся внутрь. В пухлых ручках он держал своего незаменимого компаньона – плюшевого Чебурашку, которого тут же усадил у входа, а сам скромно присел на матрац рядом с братом.

– Это папин бинокль? – спросил он, кивнув в сторону прибора, лежавшего в изголовье.

– Папин, – коротко ответил Иван.

«Сейчас будет просить поглядеть в него», – подумал он с некоторым раздражением. Ему хотелось побыть в одиночестве в своей резиденции и немного помечтать, и Борькин визит сбивал все планы – мало того, что они спали в одной комнате на двухъярусных кроватях, так и здесь ещё покоя от него нет! Правда, он не храпел, как папа за стенкой, но тем не менее. Ваня с неохотой протянул брату бинокль, и тот с радостью приставил его к глазам и впялился через узкую прорезь наружу.

– Плохо видно, – пожаловался через мгновение мальчик.

Ваня промолчал. Конечно, плохо видно, с закрытыми-то на оптике колпачками! Вместо того чтобы помочь, он глянул в другую щель и вдруг увидел знакомую легкую фигурку в летнем розовом платьице, с развивающимся за спиной длинным русым хвостиком, выходящую из подъезда дома напротив. На хрупком плечике девочки висела спортивная сумка, из которой торчала зачехленная теннисная ракетка. Он выхватил у брата бинокль, приставил его к глазам – темнота! Пришлось скинуть предохранительные колпачки и снова навести бинокль на предмет наблюдения.

Оля грациозно шла через двор по направлению проспекта. «А чего я дома сижу?» – подумал Иван.

– Ну ладно, погостил, и хватит. Мне по делам пора, – сказал он и легонько подтолкнул брата к выходу, который неохотно подчинился, и сам вслед за ним выбрался наружу, предупредив напоследок: – Без меня... смотри мне..!

На улице задувал приятный июньский ветерок. Ваня огляделся по сторонам и затем уверенно зашагал вперёд. Он и не подозревал, что за ним неотступно следовали два оптических увеличителя с третьего этажа, с предусмотрительно снятыми защитными колпачками.

Оли впереди уже не было видно, но он знал, где она занимается, поэтому зашагал в нужную сторону и через некоторое время вошёл в парк, а там одна из узких теннисных аллей привела его к огороженному участку с несколькими открытыми теннисными кортами. Вдоль ограждения плотной чередой рос невысокий кустарник, из-за которого он свободно мог следить за происходящим. Оля уже разминалась на ближайшем к аллее корте, переодетая в спортивную форму. Он присел на корточки и стал наблюдать. Иван представил себя по другую сторону сетки, напротив неё, тоже с теннисной ракеткой, которую никогда ранее не держал в руках, но в мыслях у него очень даже неплохо получалось отбивать посланный ею мяч, лихо пересекая в два-три прыжка зоны защиты и атаки. Не сложнее, чем в хоккее и гартль!

Хотя нет – лучше помечтать, что они играют в паре против её одноклассников: он вытаскивает, казалось бы, безнадёжные мячи, а она с восторгом смотрит на него своими огромными карими глазами, и он снисходительно ей улыбается и время от времени обнимает за талию, подбадривая и вдохновляя. В какой-то момент игры девочка заботливо вытирает проступивший на его лбу пот белым махровым полотенцем, а он на секунду касается её пальцев... и они замирают – нет ничего восхитительнее этого мимолетного касания, такого простого и в то же время необъяснимо захватывающего дух: только миг прикосновения, и ты на волне блаженства улетаешь в своих фантазиях за пределы собственных мечтаний...

– Мальчик! Эй, мальчик!

Он вдруг очнулся от этого оклика, а Оля тем временем шла прямо к нему! «Что делать, что делать?!», – заметалось у него в голове, и Ваня нервно подскочил с корточек и начал топтаться на месте – шаг вправо, шаг влево, не зная в итоге, что предпринять: Оля быстро приближалась к тому месту у ограждения, где он притаился – он надеялся, что его не заметят! Он

не был готов сейчас к общению с ней, ни за что на свете. Как она могла его заметить? Что он сейчас скажет в своё оправдание – подсматривал?

– Да вот он, тут, прямо у столба, – прошептала девочка, глядя куда-то вниз на металлическую сетку, – подай, пожалуйста!

Тут только до Ваньки дошло, что отскочивший с площадки теннисный мяч перелетел через ограду, ударился о дерево и плюхнулся рядом с ним, у оградительного столбика, на который крепилась металлическая сетка, и девочка, наверно, подумала, что он его ищет в траве. Он был так увлечен своими мыслями, что только Олин оклик встряхнул его.

Ваня быстро нагнулся, подобрал светло-серый волосяной шар и протянул его поверх забора девочке. Принимая мячик, Оля улыбнулась и нечаянно коснулась его руки. Ивана как токомшибануло, он дернул рукой, и мячик снова упал в траву. Она как-то неловко рассмеялась, а он, покраснев, снова нагнулся, подобрал злополучный шар и отдал ей на открытой ладони, на этот раз стараясь выглядеть совершенно безучастным, что, впрочем, ему не совсем удалось.

– Спасибо, – сказала она, взяв мячик, и, кинув на парня быстрый смеющийся взгляд, побежала назад на корт.

«Она меня, наконец, увидела!», – пронеслось у него в голове. Руки его немного дрожали, и пыхтел он, как старый добрый тепловоз.

– Не за что! – зачем-то крикнул он ей вслед, но Оля, должно быть, не услышала.

«Вот дурень!», – подумал он про себя. Теперь ничего не оставалось, как поплестись куда-нибудь в другое место. Между тем, голос в его мозгу твердил: «Это же шанс, подожди её, проводи до дома!» А он ему отвечал: «Да с какой стати? Подумает ещё – придурок, мячик подал и вообразил себе уже не бог весть что!» И он побрёл по аллее парка вдоль металлического ограждения. Обернувшись один раз назад, ему показалось, что он поймал её взгляд, но расстояние между ними было уже приличное, и Ваня так и не понял, действительно ли она смотрела в его сторону, или это его воображение выдаёт желаемое за действительное.

Он неторопливо обошёл этот сектор парка по периметру, разглядывая распутившиеся зеленью деревья, и присел на скамейке с противоположной стороны. Вокруг полянка была усыпана ярко-желтыми одуванчиками, и он вспомнил, как Боря в раннем детстве заставлял маму с папой нагибаться и нюхать их. Смешной. Он посмотрел сквозь деревья – отсюда плохо был виден дальний корт, на котором играла Оля. Иван взглянул на часы карманной «Электроники» и обнаружил, что уже пролетело больше часа, и она наверняка уже закончила тренировку. Если до этого и был какой-то шанс с ней познакомиться по-настоящему, то сейчас он уже точно испарился. «По-настоящему» в его понимании было назвать своё имя и услышать в ответ её собственное, и это как бы давало право ему, по крайней мере, говорить ей «привет» при случайных встречах и видеть в ответ улыбку. Или при не случайных встречах – кто знает? Был ли у неё друг из мальчиков, он точно не знал – она со многими ребятами общалась в школе, и один раз он даже заметил, как какой-то верзила беседовал с ней после уроков, и они вместе неторопливо шли. От этих воспоминаний настроение у Ивана совсем испортилось.

Вдобавок ко всему откуда-то сзади подошли трое старших парней. Двое уселись по обе стороны от него, а третий присел на корточках напротив, так что Ваня буквально оказался зажатым между ними – сзади его подпирала деревянная спинка скамейки. Двоих он знал – с его школы, один даже одноклассник Оли, а третий был не из их окружения, он раньше его никогда не видел. У Вани защемило в груди от нехорошего предчувствия. «Трясти будут?», – подумал он.

– Привет, Витёк! – подмигнул тот, что сидел на корточках. Это был Сашка Петров, «Петроска» в обиходе.

– Я Иван, – поправил мальчик, стараясь сохранять достойное спокойствие.

– А, точно, Ванька ж ты! Как дела?

– Да ничего, нормально.

– Пивка хочешь попить с нормальными пацанами?

Двое по бокам заржали, как кони, подзуживая его:

– Ну, Ваня, не батонь, соглашайся!

Он хотел было встать и уйти, но тот, что справа, осадил его за плечо:

– Да не спеши, куда тебе..?

– Я не пью пива, – сказал Ваня.

– А что, ты имеешь что-то против пива? Против светлых «Жигулей»? В трёхлитровой банке?

– Ничего не имею, просто не нравится. Хоть в бидоне.

– А ты пробовал-то?

– Мне незачем.

– Да и нам незачем, да ведь, Серёга? – подмигнул Сашка одному из приятелей. – Но ты ж нам не запрещаешь, а, Ваня?

– С чего бы я вам запрещал?

– Точно, с чего бы это! Ну, если сам не хочешь, это твоё дело, но нас-то можешь поддержать?

Ваня не знал, что ответить.

– Чего молчишь? Помоги бродягам, чем можешь. Рубль сойдёт.

– У меня нет денег.

– А если хорошенько подумать? Напряги свой пионерский мозг.

– И думать нечего – нет денег, – и он похлопал себя по карманам.

Трое переглянулись между собой. Тот, что был не местный и, по всей видимости, старше других, сказал:

– Ну, дай тогда в игру поиграть, а нам денег сейчас друганы принесут, а сам потом пойдёшь по своим делам. Это что, «Электроника»?

Иван протянул тому подарок дедушки. Серёга взял его, поднялся с лавки и отошёл в сторонку, якобы увлекшись содержимым.

– Да не тушуйся ты, не ломает, – заверил его Сашка. – Расскажи, чем занимаешься на каникулах.

– Да чем..? Вот, отдыхаю, – замялся Ваня, наблюдая за своей «Электроникой» в чужих руках. Потом для веса решил добавить: – Начал заниматься каратэ на каникулах.

– О-о, да ты мужик! Твои перцы дома, что ли, сидят, что ты от них линияешь по паркам?

– Работают, дома брат приболел, с бабушкой остался.

– А ты мне скажи, вот училка ваша по русскому, как её..?

– Юлия Валерьевна?

– Ага, она... в голову, что ли, совсем стукнутая или по жизни всегда такая?

Ваня пожал плечами – учитель русского и литературы была обычной, не лучше и не хуже других учителей.

– У меня нет с ней проблем, – ответил он.

– А с кем-нибудь есть? Давай разрешим их, мы ж земляки, можно сказать, из одной пионерии, – и Сашка похлопал его по коленке.

Иван удивился, как Сашка Петров мог решать его проблемы, если и свои толком-то обустроить не может – в школе у него была не самая лучшая репутация, и гордостью школы он явно не был.

– Да у меня со всеми нормальные отношения, – заверил его Ваня, – я не конфликтую.

– Хороший ты парень, Ванька! Ни с кем не конфликтует, – рассуждал Петроска, озираясь по сторонам.

Ваня насторожился и обернулся. Сергея нигде не было видно.

– А где он? У него ж моя «Электроника»!

Саша с наивностью спросил другого товарища:

– Пашка, а куда Серёга-то делся?

Тот пожал плечами:

– Я не заметил.

– А как же моя «Электроника»? – всерьёз засуетился Ваня.

– Вот чудак, тут человек пропал, а его игрушка беспокоит, – усмехнулся тот, кого назвали Пашей.

– Я в участок сейчас пойду! – с решимостью заверил их мальчик, вставая.

Паша поднял на него глаза и исподлобья процедил сквозь зубы:

– Не советую, Ванюха. Серёга – он пацан правильный. Заигрался, видать, забыл, увлёкся... Сам ведь знаешь, как бывает. Потом опомнится, вернёт, не переживай! Да и подумай, что ты ментам скажешь? Ты ж сам игрушку отдал – мы тут все свидетели. Так что не пуржи, бродяга. Всё наладится.

Ваня не унимался:

– Как же он мне вернёт, если я его в первый раз в жизни вижу?

– Ну, ты ж Петроску заешь? Вот он тебе и передаст, – заверил его Паша, поднимаясь с лавки.

Сашка добавил, похлопав его по плечу:

– Мы его сейчас разыщем, я увижу тебя во дворе и отдам, не бойся, всё будет путём, чувак! А перцам пока скажи, что потерял – мало ли, дело-то житейское! А потом, мол – вот, нашёл за кроватью, и никакого напряжения. Уяснил? Ну, бывай.

И они быстро, не оглядываясь, засеменяли по аллее в сторону выхода из парка. Иван пошёл было за ними, но потом остановился – что толку, что он за ними увяжется? Трех никак не одолеть. Тогда ещё и накостьляют по самое большое «не-хочу». Он слышал про «лохотрон» от друзей, но чтобы самому так попасть – никогда даже и не мечтал. Что он скажет отцу – отобрали, развели? Вот бы ещё Оля всё это видела: позорище, да и только!

Он уныло побрёл по аллее, засунув руки в пустые карманы штанов, и теплый летний день уже совсем не радовал. «Хорошо Борьке – он бы сейчас разревелся и забыл», – подумалось ему. Но смириться в такой ситуации было в его понимании недостойно. Нужно найти какое-то решение. Лишь бы эти шалопаи не загнали кому-нибудь его «Электроники» за гроши на «толкучке», тогда точно уже не вернуть.

У Ваня внутри начинала закипать злость – на себя, что смалодушничал; на халиганов, что развели его; на весь этот мир, что так несправедливо с ним обошелся. Но что реально он мог бы предпринять в таком положении – кричать «Спасите, помогите»? А утром так всё хорошо начиналось!

Домой он вернулся в подавленном настроении и только лишь буркнул «Позже!» в ответ на бабушкин вопрос про обед. Он напрямик направился в свою летнюю резиденцию на балконе и, откинув входную занавесь, к своему великому удивлению и недовольству обнаружил целую компанию в своём укромном месте, во главе с младшим братом. Боря восседал на одной из подушек, а вокруг него расположились его ближайшие соратники: неперемный Чебурашка, Гена Крокодил, Крошка Енот и котёнок по имени Гав. Все в сборе, только его, Ивана, не спросили!

– Ты чего тут устроил?! – завёлся он. – Я разве тебя не предупреждал? А ну, марш отсюда, и забирай весь свой хлам с собой!

Мальш, ни слова не говоря в ответ, собрал, как мог, всех своих друзей и на коленках выполз из палатки, потеряв по дороге кого-то из «сподвижников». Ваня со злостью вышвырнул его наружу, плотно задёрнув вход. Мельком он заметил надутые Борькины губы и пухлые детские ручки, прижимавшие к себе игрушки. «Ничего, в следующий раз не сунется без спроса!», – подумал он и откинулся на подушку.

Мысли начали проноситься в его голове, словно маленькие гоночные машинки на экране телевизора. Нужно было собрать их всех в один гараж и попробовать сосредоточиться: зачем Сергею нужен был его «Электроника», без зарядного устройства? Допустим, играет, похвастает перед своими корешами. С другой стороны, зарядку можно купить в Доме Быта и дальше пользоваться игрушкой, но почему-то Ваня в этом сомневался. Скорее всего, они избавятся от «Электроники». Вряд ли выбросят – наверняка попробуют продать. Но продавать в скупку или ломбард без документов не получится, поэтому, скорее всего, пойдут – куда? Конечно, на «толкучку», где всегда можно зацепить какого-нибудь заинтересованного покупателя, он сам сколько раз видел таких продавцов на блошином рынке. Вот оно! Оставалось решить, что же он предпримет, когда обнаружит их со своей «Электроникой». Если, конечно, его догадки оправдаются.

Или ещё вариант – пойти заявить в милицию. Но выделят ли ему милиционера, чтобы прочесать рынок? Скорее всего, нет: у них других дел всегда хватает, да и примут ли его без родителей? Или дождаться родителей и рассказать им всё? Нет, не серьёзно. Время уходит, нужно самому решать проблему.

Он выглянул во двор – там его знакомых не было видно. Оли тоже не было. Иногда она вместе с маленьким братиком сидела на детской площадке и что-нибудь читала, пока тот ковырялся в песочнице, и Ваня бы хотел подойти, да повода не было: не скажет же он, в самом деле: «Здрасьте, что читаем?» или ещё глупее – «Как твоего братца звать? А мой – Борька, они почти одного возраста!» Хотя, почему бы и нет? Вот если бы их братцы ходили в одну группу детского сада, то хоть какой-то прок от них был.

Иван вылез из штаба и, проходя мимо спальни, увидел, что Боря лежал в своей кровати, крепко обняв Чебурашку. Мальчуган всегда спал после обеда – маленький ведь ещё. Ваня не мог себе представить, как можно было терять драгоценное время каникул – себя в его возрасте он помнил уже смутно. Что-то сейчас подтолкнуло его подойти к кровати и присесть на стоявший рядом стульчик. Глядя на мирно спящего малыша, такого безобидного и крохотного, на которого он недавно накричал, ему стало жалко и себя, и его. Бориска ведь не виноват, что он маленький и не умеет соорудить себе такой же шалаш. Он ему, Ивану, не сделал ничего дурного, в общем-то: не отнимал у него «Электронику», не подбрасывал с корта мячик, не трепался родителям про разные проделки – он был обычным маленьким человеком, простым и чистосердечным, и совсем не умел ещё творить большие пакости, а Ваня, старший брат, пример и опора, наорал на него с утра по пустякам. Ему вспомнилось, как мама иногда говорила: «Береги своего братика. Возможно, когда-нибудь он останется единственным родным существом для тебя на земле». Он всегда отмахивался. А теперь заметил, что в уголках Бориных глаз остались еле различимые следы от высохших слёз. Брат на него обиделся – тихо, не под детски молча, и бабушке ничего не сказал, и не наябедничал по телефону родителям. Иван протянул руку и погладил его по жидким волосам, беспорядочно сбившимся на детской мягкой подушке. Неожиданно Боря пробормотал с закрытыми глазами, словно сквозь сон:

– А ты ему подарил свою игрушку?

Ваня замер. Борька подсматривал за ним с балкона из бинокля, вот шпион!

– Ты чего не спишь? – пробубнил он.

– А ты дружишь с Вовкиной сестрой?

– С чего ты взял?

– Она потом несколько раз оглядывалась на тебя. Ты, что ли, мячик ей не отдал?

– Как – оглядывалась? Ты уверен? – у Вани сердце подскочило к горлу.

– Конечно, у папы хороший бинокль.

– И что, прямо оглядывалась? Сколько раз? – не унимался старший брат.

– Несколько. Ты дашь мне поиграть «Тронику», когда назад её возьмёшь?

– Ну... тот мальчик немного поиграет... потом дам.

- А-а! Мы тоже так играем – сперва я дам Славе свой грузовик, а потом он мне.
- Так ты точно видел, что Вовкина сестра оглядывалась?
- Ага. А он тебе сегодня отдаст, и ты дашь мне?
- Не знаю. Может, сегодня. Может, завтра. Если он её не потеряет.
- Как же он может потерять чужую игрушку? «Троника» дороже грузовика.
- Ну, бывает.
- Значит, он тебе новую даст.

«Ага, точно – догонит и ещё раз даст», – подумал Ваня, но вслух не стал этого говорить. То, что такой вариант развития сегодняшнего утреннего инцидента возможен, он не сомневался. И всё равно за своей спиной он чувствовал крылья – пока ещё маленькие, но которые могли бы вырасти до таких размеров, чтобы он мог летать по жизни от счастья. Он нагнулся, поцеловал брата в щёку и прошептал:

– Всё, спи!

На кухне бабушка суетилась возле плиты, и он ласково обнял её за плечи и спросил:

– Бабуль, чего мне обедать?

Она обернулась к нему и указала на кастрюлю с супом и фрикадельками. Рядом стоял поднос с плюшками. Им с братом нравилось, когда бабушка у них гостила. В последнее время это случалось не так часто, как раньше, когда она почти целыми днями нянчилась с маленьким братом, потому что маме нужно было работать, и порой они оба по ней скучали, а она по ним – Ваня в этом был уверен, когда виделся с ней. И по деду тоже, хоть и суров был порой его взгляд – но это «для порядку», как говаривала мама.

– Давай садись, набегался, поди, – ласково проворчала бабуля.

Он сел за стол. Не то чтобы был голоден – аппетита не было вообще, а так, чтобы её не обидеть. После его утренней прогулки, похоже, досталось всем – и Борьке, и бабушке, и ему самому. Но больше всех досталось тем троице с поляны – буквально целая и почти новая «Электроника». Осадок от этого происшествия неприятно оттягивал сознание, но, вместе с тем, в голове витали также и разные приятные предчувствия, которые... омрачались лишь потерей дедушкиного подарка. В простодушных словах младшего брата ещё было что-то важное – Ваня не мог до конца осознать, что именно, но ему казалось, что это нечто могло бы стать решением его неожиданно возникшей проблемы.

Так оно впоследствии и вышло.

* * *

Рынок гудел.

Сектор, где обычно толпились разного рода бродяги и прохиндеи, с виду вполне приличные и даже немного загадочные, расположился на задворках этой столповой империи товара и денег, что, в принципе, было неудивительно и даже закономерно – считалось, что туда не дотягивается рука блюстителей социалистического порядка времен грозного Андропова. Впрочем, так оно и было на самом деле.

Ваня медленно брёл между рядов, внимательно глядясь в лица торговцев – не тех, что за прилавками под грязными балдахинами обхаживали собственный ассортимент, а тех, которые переминались с ноги на ногу рядом, суетливо осматривали потенциальных покупателей быстрым воровским взглядом, оценивая их денежные возможности и видимые потребности. Ни Сергея, ни Петроски, ни Паши не было видно.

Мальчик несколько раз обошёл этот пятак, но всё безуспешно, и он уже начал приходить к мысли, что ошибся в своих прогнозах относительно планов троицы. Отовсюду несло:

– Пира-а-ашки, чай, ко-офэ! Пира-а-ашки горячие, ко-офэ, чай...

У него уже голова не воспринимала в полной мере всю эту разношерстную публику с её многообразием и изобретательностью – и чего людям не работается спокойно по нормальным рабочим местам, неужели терпеть весь этот гам и суету изо дня в день доставляло им удовольствие?

Неожиданно он его увидел.

Невысокий, коренастый, с наглой ухмылкой на вытянутой физиономии, Сергей стоял метрах в десяти по Ванину курсу движения сквозь рыночные ряды и показывал что-то пожилой женщине, красноречиво при этом жестикулируя. Женщина внимательно слушала и пристально вглядывалась в лицо продавца. Ваня резко повернулся к ближайшей палатке и принялся якобы рассматривать выложенные там товары. Краем глаза он продолжал наблюдать за пареньком. Если у того в руке была его «Электроника», то медлить было нельзя – нужно что-то предпринять. Но что? Он посмотрел в другую сторону – может, милиционер появится, тогда он смог бы доказать, что у Сергея его игрушка, просто войдя продемонстрирова все ранее сохраненные там результаты. Но, конечно же, никакой подмоги рядом не было. Да и... поставь он сейчас хулигана в такое положение с милицией, во дворе ему не жить – тут и к гадалке не ходи.

И только теперь он вспомнил наивные Борькины слова: «Мы тоже так играем – сперва я дам Славе свой грузовик, а потом он мне». Всё вдруг встало на свои места. Осталось только решиться и сделать правильный шаг. Правильный. От этого многое зависело. Он подумал об Оле...

Краем глаза Ивану было видно, как женщина неуверенно взяла в руки протянутый Сергеем предмет, и мальчик, привстав на цыпочки и вытянув голову для лучшего обзора, постарался рассмотреть, что это была за вещь. Ошибиться сейчас было нельзя – второго шанса уже не представится.

Далеко, не видно.

– Подсказать что-нибудь, молодой человек? – поинтересовалась женщина-продавец товара, возле которого он стоял. Совсем не кстати.

– Нет, ничего, спасибо, – пробормотал Ваня и перешёл под соседний балдахин, под которым болтались ремни, сумочки и другая разная чепуха. Кто её покупает?

Он крутанул головой в сторону Сергея, и этого мгновения оказалось достаточно, чтобы убедиться, что в руке покупательницы была его электронная игрушка.

Он перешёл к другой палатке, затем к следующей. Сергей с женщиной стояли теперь буквально за его спиной, метрах в двух по диагонали, так что он мог даже слышать, о чем они говорили:

– ... я себе просто новую хочу купить, срочно, пока знакомый в магазине предлагает – им партия пришла, поэтому и отдаю эту так дёшево, – объяснял парень.

– А если внучке не понравится? Я-то не разбираюсь... – отвечала женщина.

– Да вы посмотрите, какая модель! И как новая. Это же «Электроника» – прогресс! Она не может не понравиться. Вот, подсветка какая яркая, уж вы мне поверьте, я ж сам два месяца...

«Козёл», – подумал Ваня.

Неожиданно он услышал за спиной другой знакомый голос:

– Почём отдаёшь, браток?

Сомнений не было – это Пашкин голос.

– Да совсем даром – за трёшку, не цена «Электроники».

– Дай глянуть, – продолжал Пашка, явно разыгрывая комедию перед женщиной. – Это что, царापина, что ли? А, нет, показалось. Новая совсем! А мелодии есть? Подсветка?

– Конечно, – отвечал продавец.

– Трёшка, говоришь? Ну-ка, есть ли у меня с собой трёшка, сейчас посмотрю... – Пашка начал рыться в задних карманах, изображая, видимо, попытку извлечь на свет божий несуществующую трёшку.

Но Сергей его оборвал:

– Друг, извини, я уже вот женщине обещал, она первая подошла...

Некоторое замешательство, а затем недовольный голос якобы-покупателя:

– Женщина, вы будете брать, или я заберу..?

«Вот козлы!», – с этой мыслью Ваня решительно повернулся кругом и очутился нос к носу со своими недавними знакомыми. Женщина рылась в сумочке, готовая выложить «трёшку» за покупку, которая в магазине продавалась втрое дороже. Оба приятеля от неожиданности замолчали, прервав свой отрепетированный диалог. Не давая им опомниться, Иван затараторил, себе удивляясь:

– О, Серёга, привет! Твоя «Троника», что ли? Ты ж мне её обещал! Женщина, вы уж извините, но я в неё даже уже свои результаты завёл – мы с Серёгой в одном доме живём, он мне играть уже давал, извините меня сердечно, вот гляньте, последние цифры 3508, видите, вот тут под записью... Серёга, не мог позвонить, что ли, я бы тут же прилетел и рассчитался с тобой, но раз ты всё-таки решил её продать, я забираю без разговоров. А вот и данные другого нашего кореша – 3329, сейчас покажу вам, женщина, я тут тоже уже сохранил...

Женщина махнула рукой, развернулась и пошла дальше по рядам, и Ваня тоже повернулся в обратную сторону со своей «Электроникой» в руке, и, кинув через плечо оторопело молчавшим приятелям: «Пока!», быстро шмыгнул в разрыв между палатками в толпу соседнего рыночного ряда, тут же затерявшись среди прочих прохиндеев и простых порядочных граждан. В груди его сердце бешено колотилось, в висках пульсировала кровь, но он стремительно продирался сквозь движущуюся в обоих направлениях массу, не смея оглянуться и сжимая в руке дедушкин подарок. Ему даже показалось, что он услышал позади себя: «Ну, чудило, респект!», но поверить в свою удачу пока не решался. «Неужели прокатило? Неужели прокатило? Неужели прокатило?» – долбило в голове, и он всё ждал, что его вот-вот окликнет хриплый голос и схватит за плечо, грубо развернув на полдороги, но ничего подобного не произошло, и Ваня благополучно выбрался на свободное от ларьков пространство, а оттуда – на улицу, которая уже окунулась в тень вечерней прохлады.

* * *

Присев на качели среди кишящей сказочными идеями малышни с лопатками, грузовиками и куклами, в собственном дворе, Ваня, наконец, смог перевести дух и проверить состояние электронной игрушки. Батарея была в норме, никаких видимых повреждений на корпусе не было видно.

Он сделал это! Ещё не думая о последствиях своей вылазки, Иван блаженно откинулся на металлическую спинку и посмотрел на вечернее небо – было ещё светло, высокие липы несмело раскачивались под дуновением легкого ветерка, и всё, казалось, обрело закономерную гармонию. К нему вновь стали возвращаться приятные переживания от мысли, что Оля не просто так оглядывалась на него, пока он брёл утром по парку – она же не могла знать, что за ними наблюдают!

– Он уже поигрался с «Троникой»? – услышал он вдруг рядом голос брата.

Бориска стоял рядом с качелей, держа в одной руке граблю, а в другой – ведёрко, из которого высовывалась ручка лопатки, и смотрел на такую взрослую игрушку, надёжно хранившийся в ладони старшего брата.

– Да, поигрался, – ответил Ваня и искренне улыбнулся. – Хочешь покачаться? Давай, я тебя подсажу.

– Нет. Хочу тоже поиграть, – брат кивнул на «Электронику».

Ване подумалось, что, пожалуй, Боря заслуживал этого куда больше, чем те трое на поляне.

– Дома я тебе сегодня обязательно дам, – заверил он мальчика. – Сейчас она мне ещё нужна.

– Тогда пойдём домой.

– Так ты ведь только вышел погулять! Смотри, сколько вокруг дел накопилось.

– Нет, я уже давно гуляю. Почти давно. Когда мама вернулась с работы, я уже не кашлял, и она мне разрешила. Мы видели в окно, как ты здесь сидишь, и бабушка меня проводила – вон она тебе машет.

Ваня обернулся и увидел бабулю, наблюдавшую за ними с тротуара. В руке у неё была неизменная сумка. Он помахал ей, и она в ответ кивнула и неторопливо пошла к автобусной остановке, на улице за углом.

– А вон Вовка с сестрой вышел! Ни-чи-во-си-бе-у-ни-во-ма-ши-на-а! – протянул в неподдельном восторге Борис и, тут же позабыв про всё остальное, неуверенно двинулся в направлении нового предмета своего восторга.

Ваня взглянул в том же направлении и встретился взглядом с Вовкиной сестрой. Ещё издали Боря затараторил:

– А ты дашь мне поиграть, а? Дашь?

Вова прижал к себе свою машину и взял Олю за руку. Она остановилась, присела на корточки и сказала:

– Вы же вместе можете играть с машиной, правда, Вова? Одному же совсем не интересно, а вдвоём веселее!

Вова не совсем был уверен, что это его личное мнение, но всё же кивнул в знак согласия. Ваня молча за ними наблюдал, перестав раскачиваться на качели. Ему захотелось быть сейчас на месте своего младшего брата – быть таким же непосредственным, открытым и общительным.

– Тебя как звать? – спросила Оля малыша.

– Это Борька вон с того подъезда, – ответил за мальчугана Вова. – А это его старший брат, Ванька.

На этом формальные представления окончились, и оба мальчика полезли в песочницу нагружать кузов новенького грузовика ценным строительным материалом. Оля выпрямилась, скрестив на груди руки и глядя на детей. На ней были короткие светлые шорты и ярко-голубая футболка. Её длинные волосы были подвязаны такого же цвета ленточкой, и Ваня тупо смотрел на неё, не решаясь что-либо вымолвить. Он встал с качели и переминался рядом с ноги на ногу, не зная, куда деть собственные руки, которые то засовывались зачем-то в карманы, то шарили по его собственным волосам, выдавая тем самым неподдельное волнение.

– Значит, сегодня это был Иван, кто интересовался теннисом? – спросила девочка, обращившись к нему.

Упомянутый Иван не ожидал вопроса. Но быстро нашёлся, что ответить:

– А это, выходит, Вовина сестра раздаёт мячи по веткам деревьев, – промямлил в ответ он.

– Нечего прятаться по кустам! – засмеялась Оля.

– Так ты это специально, что ли? – удивился он и покраснел.

– А то!

– Я... может, тоже хотел бы... в теннис.

– Надо было подойти и спросить.

– Вот я и спрашиваю.

– И что тебя интересует?

– Как в теннис записаться.

– Очень просто: подходишь к тренеру и записываешься. Летом как раз новый набор в группу. Ты когда-нибудь держал в руке ракетку?

Кроме клюшки по зиме и удочки по осени, Ваня ничего такого в руках не держал. Ну, может, только в пионер-лагере ещё забавлялись в пинг-понг, и он честно признался в этом Оле. Она села на качели и подвинулась, как бы приглашая его сесть рядом. Он с трепетом последовал её примеру, каждой клеточкой своей правой стороны ощущая тёплое прикосновение её плеча.

– Пинг-понг тоже неплохо, – резюмировала она. – Вообще, теннис – это не сложно, важно освоить технику и иметь желание и настойчивость.

– Я очень настойчивый, – заверил он её.

Она повернулась, посмотрела ему прямо в глаза и совершенно серьёзно произнесла:

– Почему-то мне кажется, что так оно и есть.

Он смутился и, глядя в землю, пробормотал:

– Ты имеешь ввиду... в школе, там...

– Да, и школу тоже.

Он вдруг решился спросить:

– У тебя есть парень?

Оля бархатно рассмеялась.

– Ты ещё и решительный!

Ваня не знал, решительный он или нет, поэтому чистосердечно ответил:

– Я просто давно хотел с тобой познакомиться.

Теперь настала её очередь слегка порозоветь, и он это заметил.

– Вот ты, Ваня, однако...

– Ну, по крайней мере, уже познакомились, – бодро произнёс он и сменил тему. – Твоему когда в школу?

– Через 2 года.

– А Борька уже вот осенью пойдёт. Младший братец – это нечто, правда ведь? Я недавно соорудил для него на балконе что-то похожее на шалаш: крышу натянул, матрац внутри постелил, подушками всё выложил, так он меня теперь и не пускает туда! Организовал себе штаб-квартиру, устраивает приёмы для друзей – крокодилы, бегемоты, айболиты разные, ну, сама понимаешь! Они так важно по стеночке рассядутся, ручки калачиком сложат, а он их давай забавлять – этому конфетку, другому бабушкину плюшку, третьему стущенку подавай... При этом постоянно бегают на кухню и всех заверяет, что это его приятели такие прожорливые, а сам он ни-ни-ни, только вот борщ у них желудок не принимает, и каши тоже...

Оля смеялась и рассказывала в ответ свои забавные истории про брата. Оба мальчугана тем временем успели загрузить ни один кузов песка и перевезти его за борт песочницы, так что одна из бабушек сделала им замечание, и им пришлось поменять дислокацию и организовать работы в обратном направлении. Ваня с Олей присоединились к ним, помогая маленькими лопатками загружать сыпучий материал и переваливать его обратно в песочницу.

Незаметно прошёл вечер, стало смеркаться. В песочнице оставались только они вчетвером, и пора было идти по домам. Владимир и Борис по-деловому пожали друг другу ладошки, договорившись опять встретиться во дворе завтра после садика.

– Ты... уже домой? – неуверенно спросил на прощание Ваня.

– Я собиралась потом ещё с Тимкой погулять, – загадочно ответила она. – Это собачка соседей. Они уехали на неделю, и просили его выгуливать.

– Ничего, если я ещё и с ним познакомлюсь? – с надеждой произнес он.

– Ничего, выходи через пять минут, – сказала девочка и быстро вошла вслед за братом в подъезд.

Иван почувствовал, как маленькие крылышки счастья где-то за его спиной добавили себе пару огромных перьев, позволивших ему буквально взлететь вместе с Бориской на одиннадцатый этаж, при этом в лифте он как никогда ощущал несовершенство и медлительность этих подъемных механизмов.

– А ты помнишь, что обещал мне дать свою «тронную» игрушку поиграть? – спросил перед их дверью Боря.

Конечно, Ваня не помнил. Но пришлось заверить брата, что он быстро вернется и обязательно исполнит своё обещание.

Через пять минут он был у заветного подъезда, нервно расхаживая взад-вперед. Вскоре появилась Оля – она переделалась, накинув сверху лёгкую кофточку, а мальчик и не замечал опустившейся на двор прохлады. Они медленно побрели к пустырю, а Тимка уверенно бежал впереди, успевая обнюхивать все попадавшиеся на пути возвышения. По дороге о чем-то болтали, делились планами на лето и вспоминали забавные школьные казусы.

Неожиданно навстречу им откуда-то нарисовался Сашка Петров. Он непринужденно вышагивал, что-то насвистывая. Ваня невольно замолчал на полуслове, а внутренне сжался весь в комочек. Крылья за спиной слегка опустились. Оля недоуменно на него посмотрела, потом заметила Петроску, уже приблизившегося к ним, и поздоровалась:

– Привет, Саня, как отдыхается?

Тот самодовольно ответил:

– Привет, привет! Весь год бы так. А чего это ты с... собаками по ночам разгуливаешь?

Девочка нервно хихикнула. Ваня смотрел в сторону, где на пустыре резвился невысокий плотненький бультерьер с хозяином. Причем, где хозяин, а где собака в сумерках и понять было сложно, лишь угадывались прыгающие силуэты, но мальчик отчего-то был уверен, что это именно бультерьер, и Сашка был похож сейчас на него.

– Те не мои, вот этот маленький, Тимка, со мной.

– А-а, – протянул её одноклассник, останавливаясь перед ними. Он, видимо, был полностью уверен, что при девчонке Ваня не решится спросить про утренний «лохотрон», и наверняка его заинтриговало, с чего это вдруг Оля общается с этим неудачником.

Ивану вдруг срочно понадобилось посмотреть, который час, и он достал из кармана заветный прибор, нажав на кнопку подсветки. Петроска в недоумении уставился на него. Наверно, чего-чего, а увидеть когда-либо этот предмет снова в руках его хозяина он и не предполагал даже. Должно быть, он не виделся вечером со своими друзьями и теперь от неожиданности гадал про себя, как такое могло произойти. Иван набрался духу и максимально спокойно произнес:

– Саня, знаешь, который уже час?

– У-у... э-э... ну-у...

– Да, поздно, так что извини, мы торопимся. – Он спрятал «Электронику» в карман и беззаботно добавил: – Завтра ещё на тренировку рано, сам понимаешь – режим!

И он уверенно увлёк Олю вперёд, которая прошебетала через плечо однокласснику на прощанье лёгкое «пока, увидимся». Ваня только услышал в ответ позади шаркающие удаляющиеся шаги.

Теперь уже точно нужно было устраиваться не на теннис, а туда, о чем он заикнулся утром на поляне с ромашками. Но, собственно, летом одно другому и не мешает.

– Вы с ним знакомы? – спросила Оля.

– Да, немного. Сегодня уже пересекались, – ответил Иван.

– А про какую тренировку ты говорил?

– Так завтра же... ты меня познакомишь с тренером?

Девочка улыбнулась:

– Да, правда. Ты действительно решил попробовать?

– Зачем пробовать? Нужно начинать и делать. Хочешь, честно скажу? Сегодня я очень хотел играть с тобой в паре на том корте.

Она немного помолчала, потом ответила:

– Такими темпами скоро меня нагонишь.

Иван в этом не сомневался. Год разницы между ними, в конце концов – это такой пустяк! Кого это заботит?

На прощание, возле её подъезда, они договорились о завтрашней встрече.

* * *

Боря спал в своей кроватке, уютно поджав под себя ноги. Прежде чем забраться к себе на второй этаж, Ваня присел возле младшего брата и погладил его по голове. «Не дождался сегодня, – подумал он и положил «Электронику» рядом с подушкой. – И что бы я без тебя делал?» Он поцеловал младшего в волосы и полез наверх.

Немного погодя малыш пошарил рукой возле своей подушки, наткнулся на заветный предмет и крепко сжал его маленькими пальчиками. Лицо его озарилось простодушной радостью.

7

Апрель 2017

Иван улыбался, откинувшись в кресле и прикрыв глаза. Сергей не мог бы с достоверностью сказать, какие образы прошлого проносились перед мысленным экраном этого строгого мужчины, но то, что Буранову удалось привлечь дух своего рода для помощи в поиске истины, было совершенно очевидным.

Таланты и яркие способности передаются через кровное колено, в большинстве случаев. Поэтому присутствие Кузьмича рядом с внуком нисколько не смутило Рапса, принимая во внимание прослеживающуюся эмоциональную связь между этими двумя родственниками, один из которых уже переступил порог недавнего своего физического пребывания во Вселенной, и его душа могла оказывать содействие оставшимся на земле родственникам – в это Беловоденко, потомок древнего карельского рода, верил свято. Родители Ивана Сергеевича, отвечающие перед Мирозданием за правильно сформированное отношение сына к основным ценностям бытия – или воспитание, попросту говоря – также отработали свою карму в этой области в полной мере, как ему теперь представлялось, вырастив человека с правильным пониманием законов жизни и целей существования. Рапс интуитивно чувствовал, что стремление Ивана найти Храмову не носило яркий характер кровной мести – желание наказать не доминировало в облике и ауре Буранова. Скорее, его чувство педантичности доводить начатое до конца подталкивало возвращенное в нём ответственное отношение к себе и окружающему миру на упорный самостоятельный поиск Вероники, а только что открытое им пересечение их недалёких предков в прошлом – его деда и её прадеда – только подхлестывало сейчас его цель разобраться в хитросплетениях причин и следствия – почему погиб Борис? Рапс был уверен, что Иван теперь в полной мере осознавал мизерную долю так называемой в мире «случайности» захлестнувших его семью событий в последние годы – Беловоденко-то знал, что это понятие бытует лишь на физическом плане, в силу невозможности людей иначе как-то логически объяснить взаимосвязь тех или иных неординарных по своей сочетаемости событий. А в мире духовном случайностей не бывает – там всё гармонично *сочетаемо* и *сбалансировано*, всё подчинено промежуточной цели, если говорить о карме души, поскольку *конечной* цели у Мироздания попросту нет. Как и нет её начала.

Стало быть, Борис попал в некий вихрь кармических сплетений – скорее всего, межродовых, клановых, который, для приведения всего сущного к закономерному балансу, заставил его дух прервать своё пребывание на земле и перейти назад, в мир более тонкой материи, причем не самым радужным для души способом: внезапная насильственная смерть, сказывают посвященные, негативно отражается на способности духа быстро перевоплотиться для дальнейшего своего развития. Возможно, что это – наказание за что-то совершенное кем-то из кровных родственников в прошлом, и потомки в поколениях отрабатывают урок. Рапс отметил про себя, что необходимо будет поинтересоваться у Буранова, как жизнь и дела у его младшей сестры. Но чтобы быть полностью уверенным в кармической связи событий, желательно проследить не только отцовскую линию Ивана, но и материнскую, причем по роду Храмовых проделать то же – что на самом деле явилось *первопричиной* фатального пересечения жизненных линий Вероники и Бориса, и, главное, существует ли опасность аналогичных трагедий в обеих семьях в будущем? Ведь всегда есть реальная возможность изменить, казалось бы, предначертанное течение взаимосвязанных событий, начавшихся в прошлом, за счёт корректировок отношения живущих потомков к тем или иным явлениям сегодняшнего настоящего, да и порой прошлого тоже – хотя бы фактом признания ошибок какого-то определенного предка. Или даже изменив своё отношение к конкретным людям, которые рядом – конечно, важно знать, к каким именно. Но даже если и не знать, то элементарное следование общечеловеческим ценностям – а в каждой религии они едины! – способно творить истинные чудеса, и Рапс об этом ведал далеко не понаслышке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.